

— Вы ходили на концерты “Гражданской обороны”?

— Если учесть, что я 5 или 6 лет играл в группе, то мне приходилось присутствовать...

— Нет, а в качестве зрителя?

— Никогда. Музыка — моя профессия. Как зритель ни на одном рок-концерте я не был с начала 80-х.

— Вы — музыкант-виртуоз, а “ГрОб” упрекали за то, что все их песни — на трех аккордах. Как вы оцениваете музыку брата?

— У меня очень критическое отношение вообще к российской рок-музыке. У нас все традиционно ориентировано на слово. Музыка воспринимается как аккомпанемент. Весь наш рок — это, можно сказать, утяжеленная авторская песня. Но к творчеству Игоря я отношусь очень позитивно.

— Для вас он тоже больше поэт, нежели музыкант?

— Трудно разделить. На мой взгляд, он еще и выдающийся перформер. Тут синкретическое единство — композитор, поэт, исполнитель. Лично мне его акустика кажется интересней, чем то, что делала группа. Егор ведь нот не знал. По крайней мере, до 2003 года это было так. Тем не менее у него полно оригинальных вещей, которые он сам придумал. Когда я с одной из московских групп записывал песню для трибьюта “Гражданской обороны”, неожиданно оказалось, что очень трудно скопировать его музыку, если не упрощать. У него много неожиданных аккордов, много неквадратности.

— Вы играете элитарную музыку. Популярности брата не завидовали?

— Нет. Я прекрасно понимаю, что моя музыка не может быть популярна. Русские музыку не понимают. У нас главное — песня. А для меня песня — это не совсем музыка. Но у меня всегда была гордость за брата, и сейчас она есть. Я горжусь, что он нашел свой путь. Мы очень много спорили на эту тему. Он говорил: “Как ты можешь играть в театре на 45 мест? Я бы никогда не стал”. Егор считал, что все хорошее обязательно попу-

Он приезжал в столицы из своего Омска и оглушал слушателей, вываливая на их головы очередную порцию новых песен. Его ругали за плодовитость, идущую в ущерб качеству, чрезмерную мрачность, агрессивность. Но каждый, кто давал себе труд продраться сквозь часто габражный звук, мат и белый стих, понимал — это поэт. Со своим, не похожим ни на чей голосом, своим болезненным и гениальным внутренним миром. 19 февраля Егора Летова не стало. О его смерти написали больше, чем было написано о его жизни. Нас же интересовало не как он умер, а как жил. На следующий день после похорон на вопросы “МК” ответил человек, знавший Егора лучше всех, — его родной брат, знаменитый саксофонист Сергей Летов.

ЛОВУШКА ОДИНОЧЕСТВА

Сергей ЛЕТОВ:
“Егор пошел в деда, которого казаки по легенде задушили за лютость”

Концерт в московской “Горбушке”, 2004 год.

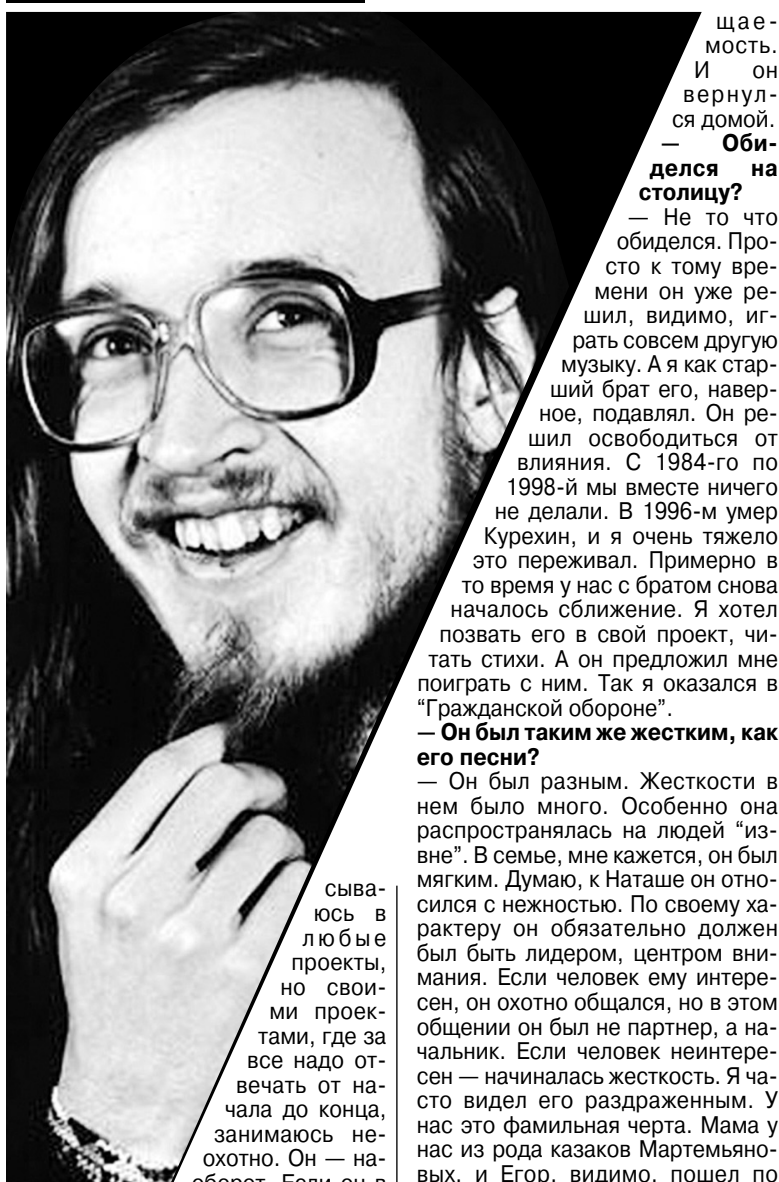
лярно, а к элитарному относился скептически. Я с этим резко не согласен, но переспорить его невозможно. Его талант был ориентирован именно так.

— Вы много сотрудничали и с рокерами.

— Для меня игра с рок-группами — это эксперимент, возможность попробовать высокую энергию. Но на высоких энергиях невозможны какие-то тонкие вещи. В “ГрОб” я оказался, потому что мне хотелось помочь брату. Прошел определенный период, и я ушел. Сейчас играю очень много. Мы разговариваем в Омске, а послезавтра у меня два концерта в Лондоне.

— Чем еще брат отличался от вас?

— Мы очень разные люди. Я легко впи-

сываюсь в любые проекты, но своими проектами, где за все надо отвечать от начала до конца, занимаюсь неохотно. Он — наоборот. Если он в чужих проектах и участвовал, то только в самом начале. Когда с Янкой, например, играл. Потом он занимался исключительно реализацией собственных замыслов. Под которые специально подбирал музыкантов. Это что касается разного отношения к творчеству.

— **Почему Егор жил в Омске, не переезжал в Москву, где возможностей было бы больше?**

— Я его страшно пытался переманить, приводил массу аргументов. Но для него были важны такие вещи, как уединение и общение с природой. Он и в Омске-то вел жизнь почти затворника. Когда Егор родился, мы жили в центре города, в офицерском бараке, в котором раньше была конюшня Колчака. Через год мы переехали на окраину Омска, в поселок Чкаловский. И там Егор прожил всю свою жизнь... В новую квартиру они с Наташей переехали буквально за три дня до Нового года. Так что в ней он и не пожил...

— **Есть ли в Омске место, про которое можно сказать: отсюда начиналась “Гражданская оборона”?**

— “ГрОб” начиналась в нашей квартире. Большая часть записей сделана там. Одно время не было барабана, и вместо него они использовали старый школьный портфель... Соседи были в ужасе, но постепенно Егор всех приучил. Концертов в Омске не давали. Больше выступали в Новосибирске, Тюмени...

— **Он был богатым человеком?**

— Всю жизнь прожил в хрущевке, в родительской квартире, никакого личного имущества не было, машины никогда не было. Новую квартиру в центре Омска они и то не купили, а поменяли на Наташину в Новосибирске.

— **Я вот почему спросил. Записей “ГрОб” разошлось столько, что в цивилизованном государстве он наверняка бы стал миллионером. А у нас, видимо, все распространялось пиратами?..**

— К пиратству он относился негативно, но личное богатство его не интересовало. Брат был абсолют-

но неприхотлив. Одевался в копеечную одежду — майка, джинсы, кеды. Новые вещи не любил. В квартире все полки сделал своими руками из каких-то бросовых досочек. Но все они оригинально перепилены, очень красиво все сделано. При этом он был хорошим администратором: умел читать контракты, мог добиться выплаты неустойки, если концерт срывался.

— **А кто он все-таки был по политическим взглядам?**

— Взгляды менялись очень сильно и часто. “Убей в себе государство” — это анархический период, 1980-е годы. В 1993 году он стоял у Белого дома. Когда 4 октября стали передавать, что есть жертвы, я испугался. Но получилось так. Бабушки, которые там находились, стали на них наезжать: волосатики, что вы здесь забыли, убирайтесь. Они обиделись и ушли. А на следующий день произошел штурм. Но Егор был уже в Омске. Он легко загорался новыми идеями, а потом понимал, что это не то. Брат был одним из основателей НБП. У него партбилет то ли первый, то ли второй. Но он быстро отошел и от Лимонова.

В последнее время Игорь говорил, что власть и оппозиция — это две стороны одной медали. И те, и другие играют роли. Одни — оппозиция — положительные герои, которые борются за народ, а другие — отрицательные.

— **Вы беседовали о смысле жизни? В чем он его видел? О чем мечтал?**

— Егор был большой любитель таких многочасовых бесед. Кипятился, иногда чуть ли не до драки доходило. Ему было интересно спорить со мной. Потому что в группе он никому не позволял иметь своих взглядов, а мне как старшему брату это дозволялось. Его “я” стало проявляться года с 1987-го. Он еще не спорил, но уже было видно, что часто со мной не соглашается.

Егор обладал большой личностно-эмоциональной силой. Думаю, он смог бы проявить себя не только в музыке. С 3 лет он рисовал и вполне мог бы стать художником. Но в 80-е годы, когда происходило его становление и делался выбор, общество требовало рок-музыки. Именно эта форма творчества оказалась востребована. И он ее подхватил. Много раз брат говорил, что мечтает снять кино. Ему очень нравились Рената Литвинова и Кира Муратова. Муратову он считал образцом режиссера.

— **После смерти появились сообщения, что у Егора были уже инфаркты.**

— Инфарктов не было. Говорят, была остановка сердца этим летом. Но его откачали искусственным дыханием и массажем сердца. Он очень больным был в детстве, постоянно болел, простывал. Кроме того, у него была недостаточность поджелудочной железы. Он перенес в детстве 14 клинических смертей. Смерть для него не была чем-то далеким и страшным. Смерть — это что-то родное, близкое, не раз пережитое. Он и от армии поэтому был комиссован вчистую. Без всяких дурак, без каких-либо специальных стараний. Это была жизнь на грани жизни и смерти. Человек жил на форсаже. Хотя по виду никогда не скажешь — высокий, сильный.

— **После смерти брата какая-то его строчка крутится у вас в голове?**

— Нет, ничего не крутится, в голове сейчас одно смятение. Всегда нас было двое... Спорили, ссорились, сходились, расходились... Я сейчас приехал и обнаружил в его комнате на стенах 5 моих фотографий. Он сам их переснял из каких-то газет, увеличил и развесил среди фотографий “Битлз”, “Роллинг Стоунз”, “Дорз”, обложек альбомов “ГрОб”...

— **Значит, он вами тоже гордился.**

— Наверное. Я еще не все осознал.

Сергей ФЕКЛЮНИН, Омск.

Сергей Летов — известный во всем мире джазовый музыкант, участник всех мировых джаз-фестивалей и многочисленных музыкальных проектов. Сотрудничал с рок-группами “Аквариум”, “ДДТ”, “Алиса” и многими др.

С женой Натальей Чумаковой и гитаристом Александром Чеснаковым.